

РОССИЯ И УКРАИНА

утраченные
иллюзии
и упущенные
возможности

Виктор МИРОНЕНКО¹

“We rarely miss an opportunity to miss an opportunity”².

В последние месяцы, недели и дни, особенно после «неожиданного» отказа президента Украины В. Януковича подписать долго готовившееся и активно рекламировавшееся соглашение об ассоциации с ЕС на саммите «Восточного партнерства» в Вильнюсе, российское медийное пространство вновь, как в 2004 году, заполнилось Украиной.

Особым разнообразием, однако, оно ни тогда, ни сейчас не отличалось. За редкими, я бы даже сказал, одинокими исключениями российские эксперты и СМИ транслировали одну точку зрения, совпадающую или очень близкую к официальной.

При этом описания перипетий в неравнобедренном политическом треугольнике Украина — Россия — ЕС весьма напоминали репортаж с футбольного матча. Евгений Киселев даже назвал счет — 5:0 в пользу России³. Киселев, как и большинство его коллег-журналистов, демонстрирует симптомы их профессиональной болезни — политической близорукости. Они видят факт, но не видят контекста. Политики же, как дети, часто заигрываются. Хорошо, если есть зрелое гражданское общество, настоящее сильное народное представительство и действительно свободные, ответственные и независимые СМИ, чтобы возвращать их к реальности. У нас всего этого пока, увы, почти нет.

Это говорится к тому, что все происходящее в Украине, не только в последние несколько месяцев, а в последние несколько лет, как минимум с 2004 года, вероятно, следовало бы рассматривать не только с точки зрения сегодняшнего дня, текущего, так сказать, момента. Это ведь не футбольный матч. А что, если попробовать взглянуть на них с большего исторического расстояния и в более широком политическом плане?

Политическая конфигурация и наполнение восточноевропейского пространства вот уже несколько столетий определяются в основном отношениями двух близких, но различных этносов — великороссов и малороссов, русских и украинцев. За два с лишним десятилетия, прошедших после разрушения Советского Союза, отношения России и Украины в самом общем виде могут быть описаны известным английским выражением, вынесенным нами в эпиграф этой статьи.

У нас, русских и украинцев, как и у всех других народов, наряду с достоинствами имеются и недостатки. Будучи украинцем по отцу и русским по матери, знаю по себе, что мы, к сожалению, часто ленивы и нерасторопны. А как историк мне известно множество примеров незавершенных реформ в России — от патриарха Никона до генсека Горбачева. Мы всегда сначала откладываем дела, которые нужно было бы сделать, уговаривая себя, что спешить некуда, что Россия большая, жизнь долгая, пространства и времени на всё и на всех хватит. Но в какой-то момент, когда медлить уже невозможно, находим оправдание своей бездеятельности: мол, не стоило и браться за это дело, ибо оно слишком сложное, а для его осуществления у нас уже не остается вре-

мени. Вот почему ни одна из известных российских реформ так и не была доведена до конца. Да что там до конца, даже до первых результатов. Вот почему наше прошлое непредсказуемо, а впереди — почти всегда неизвестность.

Возможно, именно поэтому из нас часто получаются неблагодарные потомки и промотавшиеся предки. О грядущих поколениях мы, как правило, не думаем. Пусть, мол, они сами о себе побеспокоятся! Вероятнее всего, именно так они и поступят. Куда же им будет деваться! Но я убежден, что, оглядываясь на наше относительно благополучное прошлое, на те экологические и геополитические вызовы времени и возможности для эволюционного рывка, которыми и мы сами, и новая российская элита пренебрегли, пожелав расслабиться (что, впрочем, вполне естественно после такого напряжения), наши дети и внуки все-таки вряд ли помянут нас, как писал Тарас Шевченко, «незлым тихим словом».

Говоря о вызовах и возможностях, с которыми столкнулось нынешнее поколение русских и украинцев, необходимо сделать поправку на уже потерянное нами время и происходящие в мире процессы. Среди них в первую очередь следует упомянуть проблему фундаментального перераспределения ресурсов и перемещения производительных сил. В первую очередь главную из них — людей, невиданное со времени «великого переселения народов». Это также первый действительно глобальный — за несколько тысячелетий — сдвиг полюсов политической силы и влияния.

Скажем прямо, на этом фоне российско-украинские отношения в том виде, в котором они предстают перед нами сегодня, являются не просто политической безответственностью или преступлением перед нынешним и будущими поколениями двух самых больших народов Восточной Европы. Сколько таких преступлений уже было в нашей истории! Ее, как подметил украинский писатель первой половины прошлого века Владимир Винниченко, вообще невозможно читать без брома. Нет, здесь мы, пожалуй, можем воскликнуть: «Это больше, чем преступление, это ошибка!»⁴

Отношение к этой проблеме обеих новых постсоветских, хотя правильнее было бы сказать, «постреволюционных» элит — российской и украинской, — есть, на наш взгляд, их самая большая политическая ошибка. Вообще, безотносительно направленности

и конкретных обстоятельств внутренней и внешней политики государственных администраций в обоих новых независимых государствах.

Тщательное, настойчивое, насколько позволяет документальная база⁵, наблюдение за российско-украинскими отношениями дает основания для того, чтобы попытаться ответить на вопрос: почему же так получилось?

Этот вопрос беспокоит не только нас. В России растет интерес к украинской проблематике. Так, например, второй год реализуется программа президиума РАН «Перспективы скоординированного социально-экономического развития России и Украины». В ее рамках в октябре 2012 г. в Москве прошла большая научно-практическая конференция⁶. Чуть ранее, в сентябре того же года, российско-украинские отношения обсуждались на специальной секции очередного конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) в Московском институте международных отношений (МГИМО (У) МИД РФ)⁷. Полезным и интересным было совместное исследование сравнительных преимуществ разных направлений экономической интеграции Украины, проведенное Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН и Институтом экономики и прогнозирования НАН Украины⁸. Хотя с методологией расчетов преимуществ и потерь предлагаемого варианта экономической интеграции хотелось бы познакомиться поближе.

Названные и некоторые другие научные изыскания в проблематике новых двусторонних российско-украинских отношений, при несомненных сильных сторонах, имеют один общий недостаток. Те, кто их осуществляет, а за ними и участники всевозможных дискуссий, оставляют за скобками их новейшую историю и современное состояние. Чаще всего речь идет о том, какими они должны быть, и очень редко — о том, какими они были.

Внимание российских ученых сосредоточено в основном на имеющихся возможностях и предпочтительных путях развития российско-украинских отношений. Это правильно, но если мы основательно не разберемся с тем, почему за двадцать с лишним прошедших лет их не удалось вывести на надлежащий уровень, мы рискуем «наступить на те же грабли». Как этого избежать? Именно в этом смысл предлагаемого читателям небольшого исторического экскурса в возникновение и развитие новых межгосударственных российско-украинских отношений.

РОДОВАЯ ТРАВМА

Прежде всего нужно обратить внимание на обстоятельства появления⁹ таких российско-украинских отношений, которые вполне можно было бы назвать межгосударственными и потому собственно политическими, а не административными, какими они были с некоторыми отклонениями в ту (политическую) или иную (административную) стороны, начиная как минимум с середины XVII века.

Изучение того, как они складывались примерно с весны 1989-го до конца 1991 года, говорит о том, что новейшие российско-украинские отношения получили травму уже при рождении. Нет, «роды», на первый взгляд, не выглядели ни долгими, ни тяжелыми. Они были разве что если не преждевременными (такое утверждение вызвало бы решительное и обоснованное возражение украинских коллег-историков), то, во всяком случае, неожиданными. Трудно отрицать то, что в начале «перестройки» в 1985–1988 гг. никто ни в УССР, ни в РСФСР (за исключением преследовавшихся властями диссидентов) даже помыслить не мог об их скором государственном разделении.

На тот момент утратила актуальность и некогда оживленная дискуссия в среде интеллектуальной украинской эмиграции о том, не будут ли российская и украинская революции, даже в той форме, которую они в конечном счете приобрели (т.н. «реального социализма»), колыбелью современной украинской государственности? В том смысле, который вкладывал в это И. Лысяк-Рудницкий, писавший, что *«Украинскую ССР можно лучше всего понять, рассматривая ее как воплощение компромисса между украинским национализмом и российским централизмом — разумеется, не в смысле формального соглашения, возникшего на основе переговоров, а скорее как проявление фактического равновесия антагонистических общественных сил, ни одна из которых не была настолько сильна, чтобы утвердиться полностью»*¹⁰. Этот вопрос, несмотря на все усилия украинской эмиграции в США и Канаде, к интересующему нас времени был снят с повестки дня окончательно, как неактуальный в новых условиях.

НЕЖДАННАЯ СУВЕРЕННОСТЬ

В чем же была причина очевидных патологий? Дело в том, что у колыбели этих новых отношений стояли новые российская и украинская республиканские политические элиты, которые возникли после выбо-

ров органов представительной власти РСФСР и УССР в 1990 году. Как выяснилось впоследствии, этого «нежданного ребенка» — украинское национальное и новое (без Украины) Российское государство — они представляли себе совершенно по-разному. Их представления об этом не просто не совпадали, а, как очень скоро выяснилось, были диаметрально противоположными во всем: генеалогии, месте в мировом сообществе нации, перспективе развития и т.д.

Если отбросить сделанные *post factum* утверждения относительно авторства новейшей идеи украинского государственного суверенитета, представляющиеся нам сомнительными¹¹, **государственное отделение Украины от России стало неожиданным следствием общего социально-экономического кризиса и событий, происходивших в союзной и российской столице — Москве.**

Можно, конечно, «подверстать» какие-то события в прошлом и некоторые политически плохо очерченные реминисценции украиноязычной интеллигенции (постаревших «шестидесятников»)¹² под уже известную развязку, что, собственно, украинские авторы часто и делают. И все-таки это была *нежданная суверенизация*. А для Компартии Украины, которая вплоть до ее временного запрещения в 1991 г. все же удерживала основные рычаги государственного управления в Киеве и в большинстве регионов, — даже вынужденная. При внимательном изучении документов и событий того времени невозможно не увидеть, что новая российская республиканская политическая элита (часть старой партийной номенклатуры с Б. Ельциным во главе), Межрегиональная депутатская группа, «Демократическая Россия» и, с другой стороны, Компартия Российской Федерации во главе с И. Полозковым, добивавшаяся от КПСС права на самостоятельное существование с большей частью партийного имущества¹³, — буквально вытолкала УССР из какого-либо сущего на тот момент и вообще теоретически мыслимого межгосударственного объединения. Что и произошло после известных августовских событий 1991 года.

Так что нарекания на извечный украинский сепаратизм, «мазепинство» не совсем искренни. И стоит ли в этой связи удивляться тому, что вся украинская элита — и «проевропейская», и «пророссийская» — не верит в искренность намерений и призывов российской? Она ожидает обмана и готова обманывать сама.

Думая о том, почему все так складывается, нужно иметь в виду последовательность тех событий, о

которой часто забывают. 12 июня 1990 г. первый Съезд народных депутатов Российской Советской Федеративной Социалистической Республики принял декларацию о государственном суверенитете РСФСР. После этого, 28 июня 1990 г., в Верховном Совете Украинской Советской Социалистической Республики началось обсуждение аналогичного документа, который был принят через месяц после российского — 16 июля 1990 года¹⁴. Но «после» отнюдь не означает вследствие. Это, действительно, так. Однако присутствовали и другие обстоятельства, которых не замечают или сознательно избегают упоминать российские исследователи. Если бы они были чуть более внимательными, они легко бы заметили, что Украина как сообщество вовсе не отделялась от СССР.

Вспомним результаты весеннего референдума 1991 года. Участие в нем приняли 83,5% человек, проживавших на тот момент в УССР. За сохранение Союза проголосовало тогда 70,2%, против — лишь 28%¹⁵. На альтернативный, а вернее, уточняющий вопрос, вынесенный украинским руководством и не отрицавший союзного государства в принципе, положительно ответили 80,2%, отрицательно — 18%¹⁶. Только в трех западных областях УССР 88,3%, отвечая на вопрос местного референдума, выступили фактически за роспуск Советского Союза, и легко понять — почему. Там еще были свежи воспоминания о том, как эти области «воссоединялись» с УССР в 1939 г. и как их освобождали в 1945–1953 годах.

«22,1 млн. жителей Украины (70,16% от общего числа явившихся на участки), — писал С. Рахманин, — высказались за сохранение “подретушированной” империи. Еще больше — 25,2 млн. (80,17%) — поддержали вступление своей республики в новый Союз. Эти результаты (кстати, неожиданные для самого Горбачева) дали повод сильно усомниться в стремлении УССР к реальному суверенитету»¹⁷. Оставляя на совести автора утверждение о коварных замыслах («подретушированная империя»), отметим: речь здесь идет о том, что результаты другого всеукраинского референдума — 1 декабря 1991 г., на которые так любят ссылаться и сторонники, и противники украинского государства, свидетельствуют о том, что Украина (как сообщество), а не отдельные социальные слои: диссиденты (скрытые или открытые), «номенклатура» или «элита» (как вам больше нравится) — сознательно отделялась вовсе не от СССР. Она отделялась от России,

которая к тому времени уже довольно ясно и явно показала, что не намерена считаться с интересами украинских «братьев».

Открытого непредвзятого взгляда на те события достаточно, чтобы понять, что пресловутый украинский «здравый смысл» («чуйка», как говорят в Украине) подсказал единственно правильное решение и указал на меньшее зло. А если это так, то стоит ли удивляться, что современные, в чем-то справедливые (и искренние, мы надеемся) нарекания на происшедшее разрушение Союзного государства, как на самую большую трагедию прошлого века, даже вполне обоснованные призывы к реинтеграции не вызывают доверия со стороны украинцев?!

ВТОРОЙ ЭШЕЛОН

Еще один важный аспект событий, которые тогда происходили и которого не замечают исследователи, состоит в последовательности шагов политической реформы в СССР. Союзно-республиканское двоевластие было заложено в ней с самого начала. Как все помнят, в «двухэтажный» союзный «парламент» (Съезд народных депутатов/ Верховный Совет СССР) благодаря значительному увеличению мест в нем и порядку его избрания поместился почти весь «высший эшелон» власти — первые лица союзной политической элиты. Через год, в 1990 г., состоялись выборы в представительные органы власти РСФСР и УССР. Произошел, так сказать, второй, дополнительный призыв в «большую политику». В основном в нее были призваны лица, представлявшие второй эшелон тогдашнего советского истеблишмента.

Неизбежным следствием этого должен был стать — и стал — раскол ранее сплоченной партийно-советской элиты как минимум по двум принципам. Во-первых, на тех, кто фактически распорядился всем, и на тех, кто стремился к этому. А во-вторых, как это часто бывало в новой и новейшей истории, соперничество элит сразу же приобрело национальную окраску. Борьба за реальную власть в «государстве рабочих и крестьян», не прекращавшаяся ни на один день внутри партийных комитетов всех уровней, между ними и исполкомами Советов, между союзным Центром и республиканскими органами власти и т.п., таким образом получила легитимность и институциональное оформление.

Далее произошло то, что только и могло произойти: избранные на первых за несколько десятилетий относительно свободных выборах народные

депутаты РСФСР и УССР, не денонсируя Договор об образовании Советского Союза 1922 года, фактически взяли на себя рычаги государственного управления, а затем провозгласили государственный суверенитет.

Историки будущего, скорее всего, назовут распад СССР самым удивительным событием XX века. «Империя зла», вооруженная до зубов, распространявшая свое влияние на половину мира, имевшая запас прочности, позволивший впоследствии новым элитам новых независимых государств, образовавшихся на ее развалинах, благополучно процветать более двадцати лет, — эта империя сдалась практически без боя. Сравним хотя бы распад Советского Союза и бывшей Югославии.

Великая русская революция умерла естественной смертью от старости, исчерпав свои объективные цели.

Удержать ее завоевания, ее позитивное содержание ни в России, ни в Украине не удалось. Внимание общества было сосредоточено лишь на одной стороне процесса — демократизации. Вне поля зрения оставалась другая его сторона — национализация, которая, помимо целого ряда объективно позитивных моментов, позволила просто перенести пороки, которые-то и вынудили начать реформы, с союзного на республиканский уровень. Сильные стороны старой системы были утрачены, а ее недостатки сохранены, спрятавшись за национальными цветами.

В 1990 г. российско-украинские отношения проскочили историческую развилку. Началось государственное разделение — переход к принципиально иному их качеству. Иному, новому не только по отношению к тому, как они складывались в XX веке в СССР, но и по отношению к тому, какими они были в более отдаленные времена, начиная самое позднее с конца XVII — начала XVIII века. Между тем, внутри обеих республик — в России значительно быстрее, чем в Украине, — шел процесс выхода республиканских политических (партийных), государственных, хозяйственных, культурных элит из-под контроля политического (партийного) и административного центра.

Они лихорадочно ищут и находят себе новых лидеров. Ими становятся Б. Ельцин и Л. Кравчук, которые, будучи очень похожи (оба считали себя не-

дооцененными в рамках предыдущей политической системы и обиженными ею), в свою очередь, быстро находят общий язык и начинают активно взаимодействовать. Заключенный 19 ноября 1990 г. в Киеве договор между РСФСР и УССР¹⁸ свидетельствует о согласованных действиях в борьбе с государственными органами СССР за властные полномочия. В тот период только это — наряду со схожими психическими характеристиками лидеров (и ничто более!) — объединяет обе республиканские политические элиты, делает их союзниками. На наш взгляд, ни упоминавшиеся декларации о государственном суверенитете, ни двустороннее соглашение, о котором идет речь, не содержат в себе никаких даже самых общих представлений о качестве и механизмах двусторонних отношений после разрушения союзного Центра. Они содержали лишь декларации и хорошо иллюстрировали пресловутый русский «авось» и украинское «побачимо».

Первенство в «параде суверенитетов» принадлежало не России или Украине. Открывали его, как известно, по вполне понятным причинам, Прибалтийские республики. Но провозглашение Российской Федерацией государственного суверенитета создавало принципиально новую политическую ситуацию. Последствия такого решения для российско-украинских отношений, которые неявно, но определенно были стержнем всей экономической и политической конструкции СССР, обеими республиками в расчет не принимались. Действия диктовались текущими событиями и изменчивыми политическими обстоятельствами в двух новых сообществах, которые начали складываться в Восточной Европе.

КУДА ОНА ДЕНЕТСЯ...

Теперь, много лет спустя, можно с уверенностью утверждать, что и М. Горбачев, и его политические оппоненты, концентрировавшиеся вокруг Б. Ельцина, переоценили прочность экономических связей вообще, и российско-украинских экономических в частности, достигнутый на тот момент уровень культурно-политического единства двух сообществ.

Оба центра сосредоточения властных полномочий, тогда боровшиеся друг с другом в Москве, были убеждены, что Украина «никуда не денется» и при любом результате этой борьбы послушно пойдет за победителем. Московские политики не обременяли себя изучением украинской ситуации и совершенно не понимали украинской специфики. Происходящие

в Украине события виделись им исключительно как зеркальное отражение и продолжение процессов, происходивших в Центре. Отчасти, конечно, так оно и было, но «сторонники Ельцина в походе против Горбачева, — писал А. Уткин, — как будто забыли о более широком историческом измерении, о более общей картине»¹⁹.

2 ноября 1991 г. Б. Ельцин на встрече с М. Горбачевым, по свидетельству Г. Шахназарова, на вопрос, намерен ли он согласовывать свои действия с другими республиками, ответил: «Обязательно... Я только решил их *придавить*: мол, не будете идти за Россией в реформах — мы будем вынуждены все делать без вас, и тогда на нас не обижайтесь, мы будем преследовать свои интересы. Так что на днях всё согласуем, деваться им некуда»²⁰.

М. Горбачев тогда еще надеялся опереться на Украину, где компартия контролировала ситуацию в борьбе с поднимающим голову украинским национализмом и рассчитывала на поддержку Центра. Как попытку сделать это в условиях, когда партийные организации РСФСР и некоторые их представители в центральных партийных органах противопоставили себя реформам, можно рассматривать то, что избранный президентом СССР М. Горбачев решил передать союзный партийный штаб лидеру украинских коммунистов В. Ивашко. Но было уже поздно. И в РСФСР, и в УССР процесс зашел слишком далеко.

Применительно к интересующему нас вопросу большой интерес представляет поведение российского лидера. На наш взгляд, определялось оно уверенностью в том, что Украина привязана к Российской Федерации настолько прочно, что, решая главную задачу — перехват власти у союзного Центра, — об этом можно было не беспокоиться. Не беспокоило Б. Ельцина тогда и сохранение политического влияния России в Украине. Во всяком случае, никаких признаков такой обеспокоенности обнаружить не удастся — ни в документах, ни в высказываниях. Судя по всему, в тот момент этот вопрос для российского руководства либо вообще не стоял, либо ему придавалось второстепенное значение. Так, например, на заседании Госсовета СССР в Ново-Огареве 14 ноября 1991 г. Б. Ельцин заявил: «Готовя экономическое соглашение (с Украиной. — *ВМ.*), мы подсчитали, что в перерасчете на мировые цены двусторонних обязательств Украины и России разница в нашу пользу должна составлять 80 млрд долларов. Если Украина согласится войти в Союз, мы

можем об этом должке (!) забыть, если нет — пускай платит»²¹.

Существует множество свидетельств того, что начиная с июня–июля 1990 года, когда в обеих республиках были приняты декларации о государственном суверенитете, депутаты и государственные чиновники уже сориентировались на разрушение Советского Союза. Цели у них были разными, за исключением, пожалуй, одной, но самой важной — «конвертации» своего временного положения в системе государственной власти в нечто более постоянное и надежное — в собственность и капитал. Но и отличающиеся цели были недостижимы без разрушений. «Если Россия начала распад СССР, — писал украинский историк Г. Касьянов, — то Украина его закончила»²². Это бесспорный исторический факт.

Таким образом, то, что мы называем «родовой травмой», состоит не в том, что произошло государственное разделение России и Украины — оно было исторически обусловлено, — а в том, *как это произошло*: спонтанно, стихийно, без какой-либо попытки просчитать последствия действий хотя бы на ближайшую перспективу, составить хоть какую-нибудь самую плохонькую, как любят в последнее время называть свои планы политики и дипломаты, «дорожную карту».

Если бы у тогдашнего «политического класса» России было время и способность обдумать свои действия, можно было бы увидеть, что разрушение «до основания» всей формально уже межгосударственной структуры не являлось условием ни обретения Россией и Украиной полной политической субъектности, ни категорическим императивом их модернизации. Наоборот, как теперь уже хорошо видно, их быстрая и успешная модернизация была возможна только при условии сохранения достигнутого уровня экономической интеграции.

Собственно, неоднократные попытки вернуться на этот путь, и те, которые мы сейчас наблюдаем (СНГ, ЕврАзЭС, ТС, Евразийский союз), подтверждают, что политический зигзаг длиной в двадцать лет нужен был только для самоутверждения новых национальных элит. Таким образом, то, что произошло в 1990–1991 гг., ни в малейшей мере не отвечало объективным потребностям развития обеих стран, доминировавшим тогда европейским региональным («маастрихтский процесс») и глобальным («глобализация») трендам. Российская и украинская элиты и тогда, и сегодня с завидным упорством заставляли

и заставляют свои народы грести против течения. К такому же выводу, независимо друг от друга, пришли и западные эксперты (Бжезинский, Коэн, Пар и др.).

В этом главная причина того, что не только Украина, но и Россия за эти годы утратила большую часть своего политического веса на международной арене, не только в сравнении со временем, когда они выступали на ней вместе, но даже и с тем потенциалом, который они вместе имеют еще и сегодня.

ДЕТСКИЕ БОЛЕЗНИ

Помимо описанной нами выше «родовой травмы», их нормальному развитию мешают несколько болезней, которые — с учетом молодости обоих государств в сравнении с развитыми государствами Запада и Востока — можно было бы назвать «детскими». В глаза сразу же бросаются три таких болезни: упрощенное детское восприятие сложности ситуации и путей выхода из нее, детская безответственность и по-детски искренний «эгоизм» элит.

Первая из них — упрощенное представление о современном обществе и управлении им. На прошедшей недавно конференции в Институте Европы А. Громыко заметил, что ход исторического процесса идет в направлении усложнения, а отнюдь не упрощения человеческих сообществ и управления ими. С сегодняшней точки зрения, с учетом нашего уже более чем двадцатилетнего опыта, хорошо видно, что обе новые элиты — российская и украинская — не имели адекватного представления о сущности и сложности задач, вставших перед обществом, ответом на которые и была «перестройка». Сложилась удивительная ситуация, когда в обоих обществах новая элита составлялась из людей, имевших некоторый опыт государственного управления, но считавших «перестройку» привычным ремонтом фасада, и идеалистов, такого опыта вовсе не имевших. Не представляли они себе и тех трудностей и препятствий, которые непременно встанут на сообще выбранного ими пути.

Они считали, что союзный Центр сознательно тормозил реформы по соображениям самосохранения и что реформы легче будет осуществить в каждой из республик отдельно. Насколько искренними были в этих своих убеждениях Ельцин, Кравчук и их окружение, сказать трудно, но их действия не оставляют сомнения в том, что именно ими они и руководствовались.

Примерно на таком же уровне воспринимался переход к гражданскому обществу, правовому де-

мократическому государству, рыночной социальной экономике и первым поколением украинских «суверенных» политиков.

Предупреждение, сделанное президентом США Дж. Бушем (старшим) летом 1991 г. во время его краткого визита в Киев, — о трудностях этого пути и опасностях, поджидающих на нем неофитов и не подготовленные к конкуренции экономики, не говоря уже о многочисленных обращениях М. Горбачева к гражданам Украины о том же, не произвели на новых украинских руководителей никакого впечатления. Журналисты быстренько окрестили речь Буша «котлетой по-киевски». Сегодня любой непредубежденный человек, оглядываясь на то, чем были Украина и Россия в начале того пути и чем они стали сейчас, признает без оговорок, что Буш и Горбачев тогда были правы. Применительно к Украине, для того чтобы это понять, вовсе даже не обязательно обращаться к упомянутой нами речи американского президента. Достаточно просто лучше знать собственное интеллектуальное наследие. Для этого вполне хватило бы внимательного прочтения произведений, например, Михаила Драгоманова.

Позднее о том же самом, применительно к внешней политике США, написал Збигнев Бжезинский. В 1991 г., за неделю до всеукраинского референдума он писал в одном из украинских журналов (то есть обращаясь к украинцам), что «Маастрихт и Киев бросают нам (США. — *ВМ*) вызов в определении соответствующих достойных целей американской политики в Европе. Необходимо прямо сказать в этой связи: федеративное Европейское сообщество и Лига суверенных государств — вместо бывшего Советского Союза»²³.

СЛОЖНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Не послушавшись, а вскоре сделав в Вискулях шаг в диаметрально противоположном направлении, руководители независимых с этого момента государств — России и Украины — очутились перед задачей высшей категории сложности. Необходимо было разделить единый общественный организм на две неравные части; дать каждой из них недостающие органы; поделить совместно нажитое имущество; научиться наконец жить соседними, но разными, обособленными домами! Для проведения такой сверхсложной операции ни в России, ни в Украине не было ни условий, ни времени, ни опыта, ни кадров.

И успешной она просто не могла быть. Трудно было выбрать и менее подходящие внутренние (экономический кризис, коренная реорганизация отношений собственности и управления) и внешние (см. выше замечание З. Бжезинского) условия, и менее подходящее время для государственного разделения России и Украины. Понимая это, авторы и защитники такой политики подавали ее как «вынужденную». Судя по всему, российская и украинская историографии приняли эту версию событий без всякой проверки. Мы не встречали исчерпывающей и убедительной аргументации в пользу такого объяснения ни у российских, ни у украинских историков, ни в политической публицистике. По-видимому, потому, что доказать насущную необходимость будет очень трудно, если вообще возможно. Альтернативы есть всегда, были они и тогда, в конце 1991 года.

При внимательном рассмотрении событий всё выглядит так, что процесс разделения происходил стихийно, без всякого обдумывания, без плана и без контроля. Внутренне он был очень противоречивым, потому что одновременно с ним, параллельно ему происходило перераспределение собственности, властных полномочий, что предполагало почти полную замену способов и средств управления, и в первую очередь субсидиарности — делегированию властных полномочий на соответствующие уровни — хозяйственные и административные. А с другой стороны, в связи с отсутствием соответствующих правовых процессов и процедур, всякий вопрос межгосударственных российско-украинских отношений, число которых стремительно возрастало, мог быть решен почти исключительно на самом высоком президентском уровне. Но по этой же причине они откладывались, не разрешались месяцами и даже годами. А возникающие в этой связи прорехи в тонкой ткани новых межгосударственных отношений заполнялись демагогией. Каждая из сторон оправдывала свое бездействие неуступчивостью другой стороны.

Так, по поводу (возможно, самой острой и самой сложной, после «газовой» проблемы в российско-украинских отношениях — разделе Черноморского флота) министр обороны Украины Павел Лебедев в феврале 2013 г. заявил: «Соглашение по Черноморскому флоту было подписано восемнадцать лет тому назад, было создано более 80 рабочих групп и разных подкомиссий, но огромное количество текущих вопросов до сего дня так и не решены. Мое мнение таково: проблема эта отодвигается в глухой угол, не было желаний ее решать»²⁴.

Присмотревшись внимательнее, начинаешь понимать и алгоритм суверенного хозяйствования обеих новых политических элит. Россия явочным порядком, ничтоже сумняшеся забирала себе все властные полномочия союзного Центра. У украинцев в такой ситуации выбора не было, они вынуждены были «подбирать» на своей территории полномочия, выпавшие из рук Центра. Украина на тот момент не имела ни соответствующих инструментов (валюта, банковская система, законодательство и т.д.), ни опыта, ни кадров. Таким образом, первая «детская болезнь» новых российско-украинских отношений состояла в nepозволительном для зрелой государственности и ответственной «взрослой» национальной элиты упрощении сложности задач. Это происходило в условиях перехода от директивной системы управления к рыночной и правовой. Общество требовало решения неотложных задач (и ему это было обещано), но при стихийном формировании новых отношений, которые уже никто не мог регулировать извне и которые должны были основываться на совершенно иных принципах.

Государственная граница, которая должна была возникнуть вследствие признания государственного суверенитета, резала по живому невообразимое число существовавших на тот момент личных человеческих, хозяйственных, культурных связей.

Другая, не менее тяжелая и опасная, болезнь проявлялась в том, что обе новые национальные политические элиты совсем по-детски неспособны были отвечать за последствия своих действий. Их алгоритм как по отношению к наследству СССР, так и внутри каждой из новых стран был очень простым: вижу, хочу, беру. Дезориентированный и дезорганизованный народ беспомощно наблюдал за великим переделом всего, что принадлежало ему, но было объявлено ничьим. Примерно те же правила, а точнее, отсутствие каких бы то ни было правил, были распространены и на международные отношения на постсоветском пространстве. Кто первый успел, кто был сильнее, у того и право, и правда. Россия имела больший политический вес, большую сырьевую и экономическую массу, и ее новые руководители отнюдь не колебались в использовании этих своих преимуществ.

Ельцин довольно афористично выразил этот принцип в Уфе 14 августа 1990 г.: «Возьмите столько власти, сколько сможете проглотить». Что ж, всё выглядит так, что и российская, и украинская респу-

бликанские политические элиты взяли значительно больше власти, «чем могли проглотить». Как во внутренней политике в обеих странах, так и в их отношениях дала себя знать неспособность сопоставлять свои сиюминутные интересы и действия со среднесрочными и долгосрочными их последствиями, неумение вписывать их в более широкий национальный и международный контексты. Этому еще предстояло научиться.

На наш взгляд, сказанного достаточно, чтобы составить общее представление о том, как на самом деле и почему возникла и осуществилась совершенно не отвечающая национальным интересам обеих республик — российской и украинской — и интересам большинства живших в ней людей, идущая вразрез с доминировавшими глобальными и региональными трендами политическая альтернатива одномоментной полной суверенизации и государственного разделения России и Украины.

Реализовавшись в силу стечения обстоятельств, политическая альтернатива одномоментной полной суверенизации и государственного разделения России и Украины задала обеим странам нигде не пересекающиеся траектории «неразвития», паразитирования общества и элит на накопленном ранее экономическом потенциале. Двигаясь по ним, **Россия и Украина, судя по всему, разошлись настолько далеко, что при сохранении существующих условий — внешних и внутренних — возможность их взаимодействия в процессе модернизации в ближайшем обозримом будущем становится все более и более призрачной.**

Эта возможность может быть осознана только после полного исчерпания упомянутого остаточного потенциала или острого политического кризиса, потребует смены элит и концептуального переосмысления истории, современного состояния и целей межгосударственных российско-украинских отношений.

ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ

В силу не до конца проясненных и поныне причин европейский процесс после Беловежской Пуши (1991 г.) и Маастрихта (1992 г.) пошел разнонаправленно: интеграция на Западе и дезинтеграция на Востоке.

Понятно, что при сохранении такого положения вещей он вполне может стать движением без всякой

цели. Перенесение «берлинской стены» на пару тысяч километров на восток и расширение ее до «санитарного кордона», включающего ряд стран Центральной и Восточной Европы, в том числе Украину, не решает ни одной европейской проблемы, а лишь умножает их число и откладывает их решение на неопределенное время, перекладывает его на будущие поколения европейцев.

Однако весьма невелика вероятность того, что, как мы уже отмечали применительно к нашей стране, они, эти новые поколения европейцев, будут иметь для этого столь благоприятные возможности, как те, которые сложились в мире и Европе в 1991 году — к моменту подписания Парижской хартии для новой Европы.

В хрупких, еще не устоявшихся отношениях России и Европейского Союза Украина с одинаковой вероятностью может стать и «пальмовой ветвью», и «яблоком раздора», может быть самым широким мостом и самой высокой стеной в Европе.

«Любые попытки выстроить украинское государство как антироссийский проект, использовать его в качестве санитарного или экономического кордона по отношению к России, или между Россией и Европой всегда оканчивались трагически — катастрофой и политическим крахом», — говорил на международной конференции в Москве в июне 2013 г. украинский историк и политик Д. Табачник. Но верна также и обратная формула — враждебная Украине Россия сама обрекает себя на утрату статуса великой державы.

Нет никаких гарантий от превращения территории Украины в пространство политического соперничества или даже в театр военных действий, как это только в прошлом веке было дважды: в годы Первой и Второй мировых войн.

Украина (впрочем, как и Россия) была, есть и будет частью Европы — как в географическом, историческом, так и в этническом и культурном отношениях. Поэтому, **когда речь идет о «европейском выборе» Украины, имеется в виду выбор политической модели.** Но как эти модели «лягут» на относительно слабый экономический и социальный украинский фундамент? Укрепить его можно со временем — в случае значительного ускорения эконо-

номического развития, что будет сделать довольно трудно без понимания и поддержки и тем более при противодействии со стороны российской администрации, без доступа к российским природным ресурсам и рынкам.

Как показывает приведенное мною высказывание украинского министра, в Украине это сознают. Но между осознанием и реализацией категорического императива сотрудничества с Россией стоит труднопроходимое препятствие. Россия рассматривает Украину как формально независимое государство, которое должно всегда следовать в фарватере российской внешней политики. За формальным признанием украинского государства стоит представление о нем как о политическом «симулякре». Мы бы определили это как концепцию ограниченного суверенитета: «вы суверенны в рамках, не задевающих наши интересы».

Но даже в той мере, в которой сам феномен политического влияния был осознан и воспринят в российском обществе и политическом классе как приемлемый способ воздействия на независимого партнера, это — применительно к Украине — представлялось величиной постоянной, определяемой природными ресурсами, силой исторической инерции и большей геополитической массой Российской Федерации.

В июне 2013 г. на конференции в Москве депутат Верховного Совета Украины А. Пышный, обращаясь к российским участникам, говорил: «Наши отношения характеризуются асимметричностью. Наши отношения характеризуются конфликтностью и непрозрачностью».

Принято считать, что Украина нуждается в этом больше России. Отчасти так оно и есть. Территория, ресурсы, политический вес в мире, военная мощь и т.п. имеют значение. Но если это так, то в этом случае и ответственность России за состояние двусторонних отношений должна быть гораздо большей.

Итак, у большинства проблем, отравлявших и продолжающих отравлять российско-украинские отношения после упразднения Советского Союза, есть весомые объективные основания. Но большинство из них за два прошедших десятилетия можно было решить, если бы не два больших «но» — российское и украинское.

Российское «но», как уже отмечалось выше, состояло в том, что государственная администрация Российской Федерации все это время вела себя так,

как будто ничего или почти ничего не произошло, и Советский Союз продолжает существовать. Украинское «но» — в том, что украинские политики делали вид, что СССР никогда не существовал и между ними и УНР-ЗУНР пролегло историческое безвременье.

Были, разумеется, и другие причины, среди которых можно назвать недооценку стремления украинской элиты обрести полную политическую самостоятельность, переоценку экономической зависимости Украины от России, нежелание видеть в Украине равного партнера и, возможно, более всего и в первую очередь — подмену политики влияния принуждением.

Вся Украина (а не отдельные ее регионы) уже никогда не согласится на второстепенные роли, на роль «младшей сестры», роль ведомого в каком бы то ни было новом объединительном проекте. Какие-то отдельные регионы, конкретные политические силы еще могли бы, но вся страна — вряд ли. Украина просто не может себе этого позволить. Такой большой государственный «корабль», как Украина, ни в чьем фарватере долго не удержится.

Поскольку главной движущей силой новой интеграции является все-таки Россия, участие или неучастие в этом проекте Украины зависит в первую очередь от характера, силы и направленности российского политического влияния.

Даже если в ближайшие годы интеграция с участием Украины не состоится, все равно трансформация политических систем в обеих странах, их экономическое развитие будут происходить при сильных взаимных влияниях. В экономике, например, как еще совсем недавно заявлял В. Путин, «уровень кооперации между российскими и украинскими производителями очень часто такой, что друг без друга они просто встанут, не будут существовать».

Важно также понимать, особенно в России, что эти взаимные влияния могут быть разными по силе, но они всегда будут равными по значению.

Самое трудное и самое нужное изменение, которого настоятельно требуют новые российско-украинские отношения и которое еще не произошло, состоит в том, чтобы придать им действительно равноправный характер, понять, что они одинаково важны для обеих стран и что они уже никогда не будут и не должны быть отношениями старшинства, зависимости или подчиненности.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Отказ президента Украины подписывать в Вильнюсе долго готовившееся соглашение об ассоциации с ЕС и об углубленной и расширенной зоне свободной торговли, последовавшие за этим драматические события и поиск выхода из внутреннего социально-экономического и политического кризиса в Украине и дипломатического тупика в отношениях России и ЕС, им усугубленного, пока что не позволяют делать надежные долгосрочные прогнозы, но дают возможность составить сценарии развития российско-украинских отношений на ближайшую перспективу.

Наиболее вероятными нам представляются следующие три.

Первый. Все останется, как есть. Россия будет пытаться оказывать нажим с целью принудить Украину следовать в фарватере ее политики и создать режим, совместимый с российским, для включения ее в те или иные интеграционные проекты на постсоветском пространстве. Украина будет лавировать между Россией и ЕС. Обе страны, как это и было в предыдущие годы, будут объективно сдерживать друг друга в попытках экономической и политической модернизации.

Второй. Украина окончательно сходит с политической орбиты России, возникает новая разделительная черта в Европе (теперь в Восточной). «Восточная Европа минус» (минус Европейская часть Российской Федерации, Беларусь и, скорее всего, Армения). Тогда ЕС и Украину в лучшем случае ожидает «холодный мир» с Россией, в худшем — новое издание «холодной войны».

Третий. Осознание тупика приведет к расширению контекста в рамках партнерства ЕС/Россия, Совета Европы, ОБСЕ или, возможно, через посредство какого-то нового формата. Начнется осмысление и разработка совместно с США и Канадой если не конфигурации Большой Европы, то хотя бы правил поведения, обеспечивающих на ближайшую перспективу минимальный стандарт безопасности и сотрудничества в Европе.

Очень обнадеживает упоминание в преамбуле проекта Соглашения об ассоциации Украины с Евро-союзом и Евроатомом «Парижской декларации для новой Европы» 1991 года. А также то направление

выхода Украины из кризиса, которое обозначилось с возобновлением работы Верховной Рады Украины 28 января с.г. и результаты «короткого» саммита Россия — ЕС в Брюсселе в тот же день. Особенно прозвучавшее из уст президента России предложение не вмешиваться во внутренние дела Украины, готовность оказывать ей посильную помощь независимо от того, кто победит в нынешнем противостоянии — власть или оппозиция, и создать зону свободной торговли между ЕС и формирующимся ЕАС.

Учитывая разницу экономического и военного потенциалов, я все-таки склонен возлагать основные надежды на Европейский Союз и, может быть, при определенных условиях, на Украину — как пример для подражания. В том, что касается собственно Украины, то экономические и политические последствия нужно рассматривать отдельно, причем и те и другие в двух вариантах — тактическом и стратегическом.

При любом развитии событий уже сейчас совершенно ясно, что российско-украинские отношения изменились, и изменились необратимо, хотя, как известно, история всегда оставляет шанс для возвращения на магистральный путь развития с проселочных дорог, на которые они сошли.

После Вильнюса продолжать двигаться в рамках постсоветской парадигмы как во внутренней, так и во внешней политике, в том числе в российско-украинских отношениях, стало невозможно. Потому что после Вильнюса был «Майдан независимости». Откладывать модернизацию институтов означает для обеих стран медленно превращаться в задворки Европы. Поиски сопряженной модернизации становятся категорическим императивом. А он, как известно, умеет прокладывать себе путь — независимо от наших желаний: крот истории хорошо роет.

Для Украины единственно мыслимым в сложившейся ситуации способом выйти из кризиса и резко ускориться в социально-экономическом развитии является использование «человеческого фактора» — высвобождение интеллектуального и производственного потенциала страны, максимально возможная либерализация. Успех или неудача Украины на этом пути окажут большое влияние и на Российскую Федерацию. Если Украине удастся переломить негативные тенденции в экономике и социальной

сфере, Россия, убедившись в этом, может пойти тем же путем, и кто знает, возможно, это вернет большому восточноевропейскому российско-украинскому тандему исторически принадлежащую ему доминирующую роль. Но это станет возможным только в том случае, если этот тандем возникнет и сделается лидером и двигателем экономической и политической модернизации в Восточной Европе.

В свою очередь, это станет реальным путем к преодолению давнего «большого» раскола Европы (Рим — Византия, католицизм — православие, ЕС и Россия), гомогенизации всего большого европейского пространства: географического (собственно Европа) и культурно-исторического (Северное полушарие и Австралия). Во всяком случае, надежда на это сохраняется, ибо никаких иных «обходных» путей развития для двух стран и их отношений, на наш взгляд, ныне просто не существует.

Примечания

¹ Мироненко Виктор Иванович — к.ист. н., в.н.с. Института Европы РАН, руководитель Центра украинских исследований ИЕ РАН, главный редактор журнала «Современная Европа».

² «Мы редко упускаем возможность упустить возможность» (англ.).

³ См.: Putin`s Ryrhic Victory in Ukraine by Yevgeny Kiselev // The Moscow Times, December 2, 2013.

⁴ Высказывание приписывают председателю Законодательной комиссии Франции времен Наполеона Буле де ла Мэтру — в связи с казнью герцога Энгиенского. — *ВМ*.

⁵ К сожалению, в отличие от большинства демократических стран, основной объем информации о двусторонних отношениях недоступен для независимых исследователей, за исключением тех документов и статистической информации, которую власть сочтет выгодной для себя опубликовать. — *ВМ*.

⁶ Подробнее см.: <http://ukros.ru/> Пока эта статья готовилась к печати в ноябре 2013 г., состоялась и вторая конференция.

⁷ Подробнее см.: <http://risa.ru/> В ее организации и проведении большая заслуга президента Российской национальной ассоциации украинистов Галины Мирославовны Лесной и ректора МГИМО (У) МИД РФ академика Анатолия Васильевича Торкунова.

⁸ Подробнее см.: <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=research/ref1>

⁹ Или «восстановление», на чем скорее всего будут настаивать украинские коллеги-историки, и что в данном случае не имеет принципиального значения. — *ВМ*.

¹⁰ Г.Г. Єфіменко. Більшовицький центр і Радянська Україна: економічні аспекти національної політики Кремля у 1917–1925 рр. Українській історичний журнал. 2 / 2009. С. 96–97 / Лисяк-Рудницький І. Природа української радянської державності // Його ж. Історичні есе: У 2 т. — Т. 2. — К., 1994. С. 458.

¹¹ На это имели право разве что Иван Дзюба, Левко Лукьяненко, Тарас Черновол и еще несколько украинских диссидентов, которые заслуживают уважения за преданность своим убеждениям, но в тех условиях, независимо от того, что они сами о себе думали, они объективно имели минимальное влияние на ход событий в Украине.

¹² Например, выступление Ивана Драча на съезде писателей УССР в 1986 г. после Чернобыльской аварии.

¹³ Правда, как теперь видно, вожак движения за образование Компартии Российской Федерации не имели никакой реальной политической программы и боролись скорее не за власть, а за место при ней, которое они и получили на руинах социального эксперимента, проводившегося коммунистами.

¹⁴ Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 июня 1990 г. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. — 1990. — № 2; Декларация про державний суверенітет України від 16 липня 1990 р. Відомості Верховної Ради УРСР. — 1990 р. — № 31.

¹⁵ Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВО України). — Ф. 1. — Оп. 28. — Спр. 120. — Арк. 4.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Сергей Рахманин. Введение в референдум: краткий курс. Зеркало недели. 2006. 28 января — 3 февраля.

¹⁸ Україна — Росія, 1990–2000 рр.: Документи та матеріали / Редкол.: О.О. Чалий (відп. ред.), Г.В. Берденніков (голова) та ін. — К.: Юрінком Інтер, 2001. — 776 с.

¹⁹ Анатолий Уткин. 200 или 800 стран? Московские новости. № 25 (29.06 — 05.07.2007).

²⁰ В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черныяева, Вадима Медведева, Гергия Шахназарова (1985–1991) / Сост. А. Черняев (рук. проекта), А. Вебер, В. Медведев. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. С. 714.

²¹ В Политбюро ЦК КПСС... С. 723.

²² Касьянов Г. Україна 1991–2007: нариси новітньої історії. — К.: Наш час, 2008.

²³ Правда Украины. 30 ноября 1991 г.

²⁴ URL: http://www.gazeta.ru/politics/news/2013/02/23/p_2768717.shtml Последнее обращение — 23.02.2013